

звучит он медленнее и менее эмоционально, чем при прямой трансляции. Кроме того, в этом случае отсутствуют стендапы.

По типу звукового сопровождения футбольный репортаж является синхронным, так как содержит, кроме голоса комментатора, естественные шумы, раздающиеся на футбольном поле; по типу актуализированной информации — событийным и твёрдым (запланированным), потому что в нём актуализировано единичное заранее запланированное событие — футбольный матч. Адресат футбольного телерепортажа массовый.

1. *Князев А. А.* Основы тележурналистики и телерепортажа: Учеб. пособие / Кыргызско-Российский Славянский ун-т / А. А. Князев. — Бишкек: Изд-во КРСУ, 2001. — 160 с.
2. *Мальшева Е. Г.* Русский спортивный дискурс: лингвокогнитивное исследование: Монография / Е. Г. Мальшева. — Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2011. — 324 с.
3. *Садохин А. П.* Межкультурная коммуникация: Учеб. пособие / А. П. Садохин. — М.: Альфа-М; ИНФРА-М, 2004. — 288 с.
4. *Селиванова Е. А.* Основы лингвистической теории текста и коммуникации: Монографич. учеб. пособие / Е. А. Селиванова. — Киев: Фитосоциоцентр, 2002. — 336 с.

О. М. Пачев, Ё. М. Степанов

КОМУНІКАТИВНІ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЖАНРУ ФУТБОЛЬНОГО ТЕЛЕРЕПОРТАЖУ

Стаття є результатом аналізу найхарактерніших для жанру футбольного телерепортажу мовленнєвих прийомів і засобів передачі інформації про футбольний матч. Поєднання рис розмовного мовлення та публіцистичного стилю свідчить про їх контамінацію в жанрі футбольного телерепортажу.

Ключові слова: футбольний телерепортаж, футбольний дискурс, вербальні та невербальні засоби комунікації, публіцистичний стиль, розмовне мовлення.

O. N. Pachev, Ye. N. Stepanov

COMMUNICATIVE CHARACTERISTICS OF THE TV FOOTBALL COMMENTARY

This article deals with football telecasting and its speech analysis. The combination of colloquial and journalistic styles indicates their contamination in the genre of TV football commentary.

Key words: football TV report, football discourse, verbal and nonverbal communication, journalistic style, conversational speech.

УДК 81'23'367'373.612.2

В. А. РОМАНЕНКО

МЕТОНИМИЧЕСКАЯ ИНДЕКСАЦИЯ КАК УСЛОВИЕ ПРЕДИЦИРОВАНИЯ

В статье говорится об индексально-метонимическом знакообразе, являющемся основой предикции как актуализации того или иного фрагмента картины мира.

Ключевые слова: метонимия, индексальный знакообраз, предикация, функция.

В структурализме и традиционном языкознании понимание (герменевтика) интерпретировалось как универсальная категория, независимая от участников ситуации общения и определяемая значением языковых форм [см., напр., 14]. Однако было установлено, что понимание зависит от модели мира участников акта коммуникации и от «фактора интереса» [2: с. 300]. Герменевтика (греч. «толкую, разъясняю, перевожу») даёт возможность рассматривать слово, тексты не как имманентные структуры, смысл которых может быть истолкован для другого, будучи сам изначальным (интерпретация), а как метаструктуры, производящие индивидуальное или социальное знание, обращённое к рефлексивному слою сознания [4: с. 274]. Герменевтический подход к тексту позволяет выявить в нём коды культуры, если сам текст располагает ими. От степени информированности читателя зависит выделение психологического сказуемого, «психологического предиката», ремы высказывания [6: с. 76—77]. Замысел произведения си-

мультанно воплощается в пространственно-понятийной схеме и в схеме временной развёртки. Пространственно-понятийная схема — сетка соотношения понятий, поле номинации, где действует критерий осмысленности, лингвистический опыт, чувство языка, знание узуса — условий и правил употребления единиц. Схема временной развёртки выявляет «грамматику мысли» [6: с. 260—261], которая отражает логику событий. Здесь создаётся поле предикации и определяется порядок следования понятийных комплексов образования мысли. В лингвистике под предикацией понимается отнесение содержания высказывания к действительности, осуществляемое в предложении. В предикации логический субъект раскрывается логическим предикатом (что-то о чём-то утверждается или отрицается) [13: с. 226].

При декодировании смысла метонимически организованного текста необходима опора на внутренний контекст, включающий прошлый опыт коммуниканта, «запрограммированный в его сознании и структуре нервной системы» [8: с. 18]. В литературе на этом иногда основываются смысловые курьёзы. Метонимическая звуковая омонимия лежит в основе приёма «испорченного телефона», когда звуковой комплекс, имеющий один смысл, вызывает ассоциацию с другим звуковым, известным реципиенту по прошлому опыту восприятия:

На ком шапка горит

*Имя многие таланты,
К несчастью, наши интенданты
Преподозрительный народ.
Иной, слыша слово «ворон»,
Решает, что сказали: «Вор он»,
И на его, конечно, счёт;
А если кто проговорится
Невинным словом «воробей»,
Он начинает сторониться,
Поймавши звуки: «Вора бей».*

(Д. Д. Минаев);

или в основе ассоциативного сближения паронимов:

*Каждый день
Я прихожу на пристань.
Провожая всех,
Кого не жаль,
И гляжу всё тягостней
И пристальней
В очарованную даль*

(С. А. Есенин);

*За этот ад,
За этот бред,
Пошли мне сад
На старость лет. (...)
Скажи: довольно муки — на
Сад — одинокий, как сама.
(Но около и сам не стань!)
— Сад, одинокий, как ты Сам.*

(М. И. Цветаева)

Сколько социумных предикаций (или идентификаций), столько картин, или образов мира, столько моделей поведения, обусловленных, согласно концепции А. А. Леонтьева, классовой, профессиональной структурой социума [9: с. 116]. В эссе «О том, как я видел Толстого на пароходе «Св. Николай»» А. И. Куприн описал изменение поведения великого писателя в зависимости от разных прагматических установок. Приведём отрывок из этого очерка: «Он приехал в двухконном экипаже с поднятым верхом. Коляска остановилась. И вот из коляски показалась старческая нога в высоком болотном сапоге, ища подножки, потом медленно, по-старчески, вышел он. (...) Помню его утомлённый, старческий, тонкий голос. И вообще он производил впечатление очень старого и большого человека (...).

Приехали новые знакомые Льва Николаевича, и я увидел нового Толстого, — Толстого, который чуть-чуть кокетничал. Ему вдруг сделалось тридцать лет; твёрдый голос, ясный взгляд, светские манеры (...).

(...) В это время пришли какие-то англичане, и вот я опять увидал нового Толстого, выдержанного, корректного европейского аристократа, очень спокойного, щеголявшего безукоризненным английским произношением.

Вот впечатление, которое я вынес от этого человека в течение десяти — пятнадцати минут. Мне кажется, что, если бы я следил за ним в продолжение нескольких лет, он так же был бы неуловим».

Первый вариант поведения Л. Н. Толстого не является семиотическим, так как знаковый аспект поведения раскрывается только в том случае, если есть наблюдатель. В остальных эпизодах представлена знаковая ситуация, в которой характер поведения Л. Н. Толстого меняется в зависимости от типа адресата (новые знакомые, англичане).

Изучение метонимического процесса как предикативного вписывается в лингвокогнитивную парадигму, основу которой составляет изучение природы и сущности знания и познания, результатов восприятия действительности и познавательной деятельности человека, накопленных в виде осмысленной и приведённой в определённую систему информации [1: с. 174], согласующейся с ценностно-смысловыми стандартами культуры на определённом этапе развития. Здесь особо значим принцип селективности [1: с. 178], согласно которому отбирается лишь та информация, которая наиболее существенна для человека данного этнокультурного пространства и в данное время. Следовательно, метонимизация, как и метафоризация, основывается на принципе кадрирования внимания. По мнению У. Эко, в знаке не воспроизводятся свойства объекта, изображение не обладает свойствами отображённого им предмета, в нём сфокусирован тот или иной угол восприятия, мысленной репрезентации [16: с. 291], что нам представляется очевидным по отношению к метонимии. Распознавая изображение чего-либо, мы используем определённый код узнавания. «Такой код вычленяет некоторые черты предмета, наиболее существенные как для сохранения их в памяти, так и для налаживания будущих коммуникативных связей. Например, мы издалека распознаём зебру (и затем сможем её воспроизвести на рисунке), не обращая особого внимания на строение её головы, пропорции ног и туловища и т. д., — важны лишь её две наиболее характерные черты: четвероногость и полосатость» [16: с. 291]. Коды распознавания культурно детерминированы: «(...) для нашей культуры зебра — это экзотическое животное, необычно оно по сочетаемости указанных двух характеристик; а для африканских племён, у которых зебра не экзотичный, а достаточно распространённый вид четвероногого животного, значимыми и требующими внимания могут оказаться совершенно другие свойства» [16: с. 291]. Как известно, способность вычленять отдельный признак предмета при нивелировании других, не значащих для данной ситуации или не распознанных представителями иной культуры, является отличительной чертой синекдохи как разновидности индексального знакообраза. В аспекте метонимизации релевантна методика целевой интерпретации текста. Если у субъекта создана целевая установка на определённый аспект текста (идея, образ коммуникатора, запомнить общее впечатление и т. д.), то он оперирует не со всем текстом, а только с частью, несущей эту информацию [9: с. 240—241]. Таким образом, разночтения текста зависят как от поливокальности самого текста (множественность голосов), так и от герменевтической практики читателя. Аналогично различаются авторские предикатные вокализации.

Сравним два фрагмента:

(...) *Черёмуха спит.
Ах, опять эти пчёлы под нею!
И никак я понять не умею,
На цветах ли, в ушах ли звенит.*
(А. А. Фет, «Пчёлы»)

(...) *И весь день, в траве высокой
Лёжа, слушать бы я рад,
Как заботливые пчёлы
Вкруг черёмухи жужжат.*
(А. Н. Плещеев, «Мой садик»)

В первом фрагменте из стихотворения А. А. Фета образ пчёл метонимически скрепляет объективный и субъективный планы перцепции «на цветах ли, в ушах ли звенит». При аппликативном совмещении планов репрезентации образа происходит сдвиг предикации. Звон проникает извне в уши лирического героя, полностью слившегося с миром природы. Во втором фрагменте из стихотворения А. Н. Плещеева та же тема выдержана в объективной тональности: лирический герой отделён от образов пчёл и черемухи. Это взгляд стороннего наблюдателя.

Концепция фокусировки внимания при метонимическом предикативном сопряжении с идеей актуального членения предложения в синтаксисе.

При актуальном членении предложения (концепция В. Матезиуса), как подчёркивает Б. А. Успенский, «во фразе «Вошла Наташа» слово «вошла» представляет *данное*, выступая в роли логического субъекта предложения, а слово «Наташа» — *новое*, являясь логическим *предикатом*. Построение фразы, таким образом, соответствует последовательности восприятия наблюдателя, находящегося в комнате, который сначала воспринимает, что *кто-то* вошёл, а потом видит, что этот «кто-то» — *Наташа*.

Между тем во фразе «Наташа вошла» *данное* выражается, напротив, словом «Наташа», а *новое* — словом «вошла». Фраза строится, таким образом, с точки зрения человека, которому

прежде всего дано, что описывается поведение Наташи, а относительно большую информацию несёт тот факт, что Наташа именно *вошла*, а не сделала что-либо иное. Такое описание возникает прежде всего тогда, когда при повествовании используется точка зрения самой Наташи» (выделено Б. А. Успенским. — *В. Р.*) [17: с. 31]. Аналогичную мысль о метонимическом фокусе как акте предидирования встречаем у Ж.-П. Сартра: «Например, что-то новое появилось в моих руках — в том, как я, скажем, беру трубку или держу вилку. А может, кто его знает, сама вилка теперь как-то иначе даётся в руки. Вот недавно я собирался войти в свой номер и вдруг замер — я почувствовал в руке холодный предмет, он приковал моё внимание какой-то своей необычностью, что ли. Я разжал руку, посмотрел — я держал всего-навсего дверную ручку» [15: с. 19]. В приведённом примере предикация отождествлена с острашением: «Предметы не должны нас беспокоить: ведь они не живые существа. Ими пользуются, их кладут на место, среди них живут, они полезны — вот и всё. А меня беспокоят, и это невыносимо. Я боюсь вступать с ними в контакт, как если бы они были живыми существами!» [15: с. 25]. Разрушение фрейма путём перецентровки слотов, смещения иерархических связей между слотами, замещения одних слотов другими в составе фрейма или сценария приводит к новому взгляду на вещи, новому знанию. Подобным образом о каузировании как о мене регистра предикации писал Ч. У. Моррис: «Когда человек ест яблоко, он действительно становится в каком-то смысле пассивным, и яблоко «действует на него»» [10: с. 138]. Таким образом, при выяснении индексальных (метонимических) связей важно не только то, что «делает действующее лицо с объектом», но и то, «что делает с действующим лицом объект» [10: с. 138]. По Ч. С. Пирсу, то, на что индекс указывает, называется «субъектом утверждения» [11: с. 182]. Упраздня субъект утверждения, на который индекс направляет внимание реципиента, мы лишаем знак его индексной функции, превращая его тем самым в первичный объект. Индекс, следовательно, в частности метонимия как его разновидность, входит в состав *дицисигнума* (двойных или информационных знаков) [11: с. 166], таких знаков, которые передают информацию, в противоположность иконическому знаку, «из которого информация может быть извлечена» [11: с. 166]. Уподобляясь предложению-утверждению, метонимические индексы предполагают наличие с логико-семантической стороны субъекта и предиката, а с синтагматической — antecedента и консеквента. В. Я. Пропп установил наличие в нарративе предикатных функций [12], а К. Леви-Стросс выявил влияние на характер переменных — предикатов — типов постоянных — субъекта, термов, задающих вектор предикации [7]. Поэтому по функции предиката можно судить о типе субъекта предикации, и, наоборот, от типа субъекта выводится зависимость типа предиката. Устойчивый набор связей между предикатами и субъектами, по сути, может быть описан в категориях фрейма и ситуации. Подмена функций, закреплённых за разными субъектами, увеличение или сужение функций субъекта разрушает традиционный фрейм (ср.: *злая/добрая Баба-Яга*). Перецентровка иерархической структуры слотов в составе фрейма является поводом для создания риторики образа на любом языковом уровне его репрезентации. Это отчетливо видно на примере аппликативной метонимии, лежащей в основе создания метафоры.

Фрейм как стереотипный набор параметров ситуации, понятия, подобно стереотипизированным фразам, клише, во многом узуален. На основе узуального фреймирования создаются метонимические цепочки, когда один импульс порождает всю цепь зависимостей (металепсис): *королевство — король — корона, детство — ребёнок — коляска (игрушка)* и т. п. [5: с. 63].

Выделение базовых слотов фрейма объекта, ситуации и прочего, детерминированное общекультурной, личностной или национальной ментальностью, аналогично выделению денотатов, организующих предметный план текста и выполняющих ориентировочную функцию в пространстве смыслов (Г. Д. Чистякова) [6: с. 169].

Избирательность метонимического принципа отображения действительности в сознании человека порождает неадекватность языка и опыта. Согласно данному положению, «язык представляет собой фильтр, который позволяет когнитивной системе отсекал всё лишнее из опыта для того, чтобы система не перегружалась и адекватно функционировала. Однако эта полезная функция приводит к тому, что сознание человека игнорирует важные части его опыта, что приводит к формированию существенно обеднённого списка альтернатив при решении проблемных ситуаций» [2: с. 236].

Адресат может дискретно воспринимать различные аспекты семемы ключевого слова или текста в целом: собственно языковой, социопсихологический, прагматический, аксиологический, референтно-денотативный, сигнификативный, эстетический, образный и т. п. Варьирование степени детализации при описании ситуаций относится к процедурным механизмам воздействия на сознание [2: с. 222] путём метонимизации, организующей свертотропы — литоту, гиперболу, мейозис, эвфемизм, дисфемизм. Так, из ряда номинаций «события», «гражданская война», «крупномасштабные столкновения вооружённых группировок в борьбе за государственную власть» (пример А. Н. Баранова) первая и третья номинации более абстрактны вследствие их эвфемистичности; вторая более конкретна, и вследствие этого именно она активизирует соот-

ветствующие прагматические ассоциации. Другой пример автор приводит из «Словаря Великобритании» и «Большого Имперского словаря» Э. Хермана [2: с. 221], где зверства определяются как «убийства, совершаемые ими», вьетнамцами (гипербола); возмездие — как «убийства, совершаемые нами», американцами (литота, эвфемизм); фанатизм — «его глубокие убеждения» (гипербола дисфемистического типа); вера — «наши глубокие убеждения» (эвфемизм); самоопределение — «право народа избирать правительство, угодное нам» (эвфемизм); анархия — «быстрое непривычное изменение, не соответствующее моим интересам» (дисфемизм). В приведённых примерах синонимы к слову «убийство» («возмездие» и «зверства») являются в обоих случаях отклонением от истины с тем или иным приоритетом оценочных интерпретаций одной и той же ситуации и демонстрируют случай эмпатии, т. е. представления дено-тативной ситуации с разных позиций: «Буржуазия хочет остаться буржуазией, но так, чтобы этого никто не замечал; именно сокрытие буржуазией своей сущности требует непрерывного мифотворчества» [3: с. 118]. Как видим, собственно интерпретирующая функция сближает сверхтропы с метафорой; индексирующая функция параллельных способов презентации одной и той же ситуации — с метонимией.

Итак, накопление и обработка информации в процессе её восприятия осуществляется порциями, квантами (дискретно), создающими смысловое поле с опорными пунктами в виде ключевых слов и доминирующих сем, синекдохически выделенных фрагментов «картины мира». При этом всегда имеют место личностные подходы к сегментации действительности, задающие определённый модально-предикативный вектор интерпретации текста любого медийного типа.

1. *Алефиренко Н. Ф.* Современные проблемы науки о языке: Учеб. пособие / Н. Ф. Алефиренко. — М.: Флинта; Наука, 2005. — 415 с.
2. *Баранов А. Н.* Введение в прикладную лингвистику: Учеб. пособие / А. Н. Баранов. — М.: УРСС, 2003. — 360 с.
3. *Барт Р.* Избранные работы. Семиотика. Поэтика / Пер., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова / Р. Барт. — М.: Прогресс, 1989. — 616 с.
4. *Верещагин Е. М.* Лингвострановедческая теория слова / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. — М.: Русский язык, 1980. — 320 с.
5. *Завьялова М. В.* Исследование речевых механизмов при билингвизме (на материале эксперимента с литовско-русскими билингвами) / М. В. Завьялова // Вопросы языкознания. — 2001. — № 5 — С. 60—86.
6. *Зимняя И. А.* Лингвopsихология речевой деятельности / И. А. Зимняя. — М.: Моск. психолого-социальный ин-т; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2001. — 432 с.
7. *Леви-Стросс К.* Структура и форма. Размышления об одной работе Владимира Проппа / К. Леви-Стросс // Семиотика: Антология / Сост. Ю. С. Степанов. — М.: Академ. Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. — С. 423—452.
8. *Леонтович О. А.* Проблема ретрансляции и адаптации культурных смыслов / О. А. Леонтович // Вестник МГУ. — Сер. 19. — Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2008. — № 2. — С. 18—24.
9. *Леонтьев А. А.* Основы психолингвистики / А. А. Леонтьев. — М.: Смысл, 1999. — 287 с.
10. *Моррис Ч. У.* Из кн. «Значение и означивание» / Ч. У. Моррис // Семиотика / Под ред. Ю. С. Степанова. — М., 2001. — С. 129—143.
11. *Пирс Ч. С.* Из работы «Элементы логики. Grammatica Speculativa» / Ч. С. Пирс // Семиотика: Антология / Сост. Ю. С. Степанов. — М.: Академ. Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. — С. 165—226.
12. *Пропп В.* Морфология волшебной сказки / В. Пропп. — М.: Лабиринт, 2001. — 144 с.
13. *Розенталь Д. Э.* Словарь-справочник лингвистических терминов. — 3-е изд. / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. — М.: Просвещение, 1985. — 399 с.
14. *Рузавин Г. И.* Проблема понимания и герменевтика Г. И. Рузавин // Герменевтика: история и современность. — М.: Мысль, 1985. — С. 94—108.
15. *Сартр Ж.-П.* Стена: Избранные произведения / Ж.-П. Сартр. — М.: Политиздат, 1992.
16. *Усманова А. Р.* Знак иконический / А. Р. Усманова // Постмодернизм: Энциклопедия. — Минск: Интерпресервис; Книжный дом, 2001. — С. 289—292.
17. *Успенский Б. А.* Поэтика композиции / Б. А. Успенский // Семиотика искусства. — М.: Языки русской культуры, 1995. — С. 9—218.

V. A. Romanenko

METONYMICALLY INDEXING AS A CONDITION OF PREDICATION

The article deals with some index metonymy sign-image, which is based on the predication as actualization of certain fragments of the world picture.

Key words: metonymy, index sign-image, predication, function.

В. А. Романенко

МЕТОНІМІЧНА ІНДЕКСАЦІЯ ЯК УМОВА ПРЕДИКУВАННЯ

У статті йдеться про індексально-метонімічний знакообраз, що є основою предикуювання як актуалізації того чи іншого фрагмента картини світу.

Ключові слова: метонімія, індексальний знакообраз, предикація, функція.

І. М. РУДИК

ЛІНГВО-КОГНІТИВНІ ХАРАКТЕРИСТИКИ ІДЕОЛОГЕМ

У статті проаналізовано визначення ідеології та на його основі встановлено базові характеристики ідеології як форми суспільної свідомості. Розглянуто параметри ідеологеми як одиниці ідеологічної системи. Досліджено також механізм перетворення мовної одиниці на ідеологему.

Ключові слова: ідеологія, ідеологема, оцінність, концепт, мовна одиниця.

1. Дослідження ідеології як форми суспільної свідомості

На тлі суспільно-політичних процесів, які останнім часом значно активізувалися в усьому світі, дедалі більшого значення набуває вивчення соціально орієнтованої комунікації. Дослідників цікавлять різні її аспекти: філософські (П. Бергер, Дж. Серль, Ю. Хабермас), психологічні (Д. Зілман, Г. Саломон, Є. Л. Доценко), соціологічні (Д. Белл, І. Гофман, Н. Смелзер, Л. Фестингер), політологічні (Зб. Бжезинський, С. Г. Кара-Мурза), лінгвістичні (Т. ван Дейк, Дж. Лакофф, А. В. Олянич, Г. Г. Почепцов, Й. А. Стернін, А. П. Чудинов, О. Й. Шейгал).

В межах соціально орієнтованої комунікації значною увагою науковців користуються форми й одиниці ідеології. У цьому світлі актуальним видається виокремлення суттєвих когнітивних характеристик ідеології та ідеологеми як її одиниці. Метою цієї статті, таким чином, є аналіз сутності ідеології та ідеологеми з когнітивних позицій, а також встановлення лінгвістичних параметрів ідеологеми.

Ідеологію (з грецької — *вчення про думку*) визначають як систему політичних, правових, моральних, релігійних, естетичних і філософських поглядів та ідей, в яких усвідомлюється й оцінюється ставлення людей до дійсності [9, с. 481].

Таке визначення ідеології дозволяє зробити кілька важливих висновків. По-перше, ідеологія є формою суспільної свідомості, оскільки охоплює групу людей та повідомляє їм знання про оточуючий світ. По-друге, ідеї, які утворюють ідеологію, формуються на основі історичного та практичного досвіду певної соціальної групи. Дві зазначені особливості ідеології дозволяють провести паралелі між нею і наукою, оскільки остання є однією з форм суспільної свідомості, яка покликана отримати й систематизувати об'єктивні знання про дійсність [9, с. 876].

З іншого боку, на відміну від науки, ідеологія не може претендувати на «об'єктивність» знань, які вона поширює в суспільстві, оскільки, як видно з визначення, містить певний оцінний, а тому суб'єктивний, компонент.

2. Ідеологема як одиниця ідеологічної системи

Одиницею ідеологічної системи є ідеологема, перші спроби визначення й аналізу якої належать ще М. М. Бахтіну, й саме його підхід є підґрунтям сучасних тлумачень цього поняття. Задля більшої об'єктивності зауважимо, що термін *ідеологема* вперше з'являється на сторінках «Формального методу в літературознавстві» (1928) і «Марксизму й філософії мови» (1929) — праць, авторами яких формально зазначено, відповідно, П. М. Медведєва й В. М. Волошинова. Але згодом, у 1970 році М. М. Бахтіна було названо єдиним автором праць, виданих під прізвищами М. М. Бахтіна, В. М. Волошинова й П. М. Медведєва [3, с. 240]. Ряд учених, однак, не поділяють цієї думки й притримуються концепції подвійного авторства «Марксизму й філософії мови» та «Формального методу в літературознавстві», відзначаючи при цьому функціонування в зазначених творах бахтінської філософської термінології та критичної аргументації (див., напр., [5]). В обох випадках, таким чином, маємо підстави стверджувати, що поняття ідеологеми впроваджено й сформульовано або власне М. М. Бахтіним, або безпосередньо під його впливом.

Отже, за М. М. Бахтіним, ідеологема є експлікацією ідеології, її продуктом. Ідеологема як продукт ідеології є матеріальною одиницею, і формою її існування виступають слова, дії, предмети реального світу й інші знаки: «И мировоззрения, верования, даже зыбкие идеологические настроения... становятся идеологической действительностью, только осуществляясь в словах, в действиях, в одежде, в манерах, в организациях людей и вещей, одним словом, в каком-либо определенном знаковом материале» [7, с. 15—16]. Ідеологію ж учений розуміє у широкому сенсі, як процес творення знаків, процес взаємодії свідомості адресанта зі свідомістю адресата: